

КОРОТКОЕ ДЫХАНИЕ

САМАЯ ЛУЧШАЯ ЖЕНА

ЭЛИЗАБЕТ ГИЛБЕРТ

от автора бестселлера

ЕСТЬ *МОЛИТЬСЯ* *И ОЖИТЬ*

Элизабет Гилберт Самая лучшая жена (сборник)

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=611675

*Элизабет Гилберт «Самая лучшая жена», серия «Короткое дыхание»: РИПОЛ классик; Москва;
2009*

ISBN 978-5-386-01204-5

Аннотация

Книга американской писательницы Элизабет Гилберт «Есть, молиться и любить» в одно мгновение покорила российских читателей. Она значится в списке бестселлеров более года и стала абсолютным хитом продаж.

Новый сборник рассказов «Самая лучшая жена» стал победителем престижной американской литературной премии и получил самую высокую оценку на родине автора и в мире.

Гилберт верна себе. Герои ее рассказов находятся в вечном путешествии и вечном поиске – поиске себя и своего места в мире.

«В чем смысл нашего пребывания на этой земле?» – главный вопрос, на который со свойственной ей тонкостью, умом и талантом отвечает Элизабет Гилберт.

Содержание

Паломники	5
Разговор с лосями	15
Алиса едет на восток	22
Стрельба по птицам	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Элизабет Гилберт Самая лучшая жена

Маме и папе с огромной любовью

*Когда апрель обильными дождями
Разрыхлил землю, взрытую ростками,
И, мартовскую жажду утоля,
От корня до зеленого стебля
Набухли жилки той весенней силой,
Что в каждой роще почки распустила,
А солнце юное в своем пути
Весь Овна знак успело обойти,
И, ни на миг в ночи не засыпая,
Без умолку звенели птичьи стаи,
Так сердце им встревожил зов весны, -
Тогда со всех концов родной страны
Паломников бесчисленных вереницы...*
Джеффри Чосер ¹

¹ Д. Чосер, «Кентерберийские рассказы», пролог (пер. Н. И. Кашкина). – Здесь и далее примечания переводчика.

Паломники

Когда мой старикан сказал, что нанял ее, я хмыкнул:

– Девку?

Девку – и это притом, что совсем недавно баб на это ранчо не брали работать даже поварихами, потому что пастухи на них слишком часто пялились. Да и не только пялились. И даже на страшненьких поварих. И даже на пожилых.

В общем, я сказал:

– Девку?

– Она из Пенсильвании, – сказал мой старикан. – Работать будет хорошо.

– Откуда-откуда?

Когда про это узнал мой брат Кросби, он сказал:

– Если девка возьмется за мою работу, мне придется подыскивать себе другую.

Мой старикан зыркнул на него:

– Я слышал, что ты через перевал, что зовется «Голландской печкой», в этом сезоне ни разу не проезжал без того, чтоб не заснуть в седле, а не спал, так книжки свои треклятые читал. Так что, может, тебе и вправду пора новую работенку приискать.

Он рассказал нам, что она как-то добралась в наши края из Пенсильвании на такой жутко задрипанной машине, что он таких отродясь не видывал. Пять минут она упрашивала его взять ее на работу, а он-то почти сразу согласился. Она даже руку согнула, чтобы он пощупал, какой у нее бицепс, но он щупать не стал. Сказал, что она ему сразуглянулась, с первого взгляда. А уж он столько пожил, что глазам своим доверял.

– Вам она тоже понравится, – сказал он. – Сексуальная, как кобыла. Симпатичная, здоровая. И крепкая.

– Тебе восемьдесят пять лошадей прокормить надо, а ты все считаешь, что кобылы сексуальные, – сказал я, а мой брат Кросби добавил:

– Уж такого секса у нас тут просто завались.

Ее звали Марта Нокс, ей было девятнадцать, и ростом она была с меня. Ноги полные, но не жирные, на ногах – ковбойские сапожки. Сразу видно, что новехонькие, самые дешевые в магазине и самые первые, которые она себе купила. Подбородок у нее был тяжеловат, и если он когда и двигался, так только тогда, когда у Марты двигались лоб и нос. А зубы такие, что их, можно сказать, было видно даже тогда, когда у нее рот закрыт. А главное – темно-каштановая коса. Висела посередине спины – толстая, как девичья рука.

Как-то вечером в самом начале сезона я танцевал с Мартой Нокс. Был выходной, и можно было спуститься с горы, напиться в стельку, позвонить по телефону, постирать белье, подраться. Марта Нокс танцевать была не любительница. И со мной она танцевать не хотела. Это она мне сразу разобъяснила – несколько раз повторила, что танцевать со мной не станет, а когда наконец согласилась, не пожелала бросить сигарету. Сигарету она держала в опущенной руке, так что за эту руку я ее взять не мог. Ну а я держал в руке бутылку пива – для ровного счета, – так что она обнимала меня одной рукой, и я ее тоже. И хоть танцевать она была не любительница и со мной танцевать не хотела, но все-таки мы с ней стали медленно покачиваться, и у нас обоих одна рука была свободна, как у ковбоя на родео, когда он скачет на быке, – он же правой рукой ни за что не держится. Марта никуда особенно не смотрела – только за мое левое плечо. Казалось, та девушка, которая сейчас не так уж плохо танцует со мной, была Марте незнакома и знакомиться с ней у нее большой охоты не было.

Мой старикан еще вот что говорил насчет Марты Нокс: «Она не красотка, но, похоже, знает, как себя подать».

Что верно, то верно – мне хотелось потрогать ее косу. Мне сразу захотелось потрогать ее косу, как только я ее увидел, а уж когда мы танцевали – захотелось особенно. Но я не стал этого делать и бутылку с пивом на землю не поставил. Уж не знаю, как там Марта Нокс умела себя подать. По-моему, никак не подавала.

Больше мы в тот вечер не танцевали и вообще потом не танцевали, потому что сезон был долгий и мой старикан нас нагружал работой под завязку. Не было больше выходных на целый день, чтобы потанцевать и подраться. А уж если удавалось выкроить свободное время после обеда посреди тяжелой рабочей недели, мы все шли в барак и ложились спать. Засыпали быстро и крепко, а на койки укладывались, в чем были – в сапогах, как пожарные или солдаты.

Марта Нокс спросила меня насчет родео:

– Кросби говорит, это хороший способ покончить с собой.

– Лучше способа я не знаю, – ответил я.

Мы сидели с ней друг напротив друга у костра, сложенного из толстых сосновых сучьев, совсем одни, и выпивали. В палатке за спиной Марты Нокс разместились пятеро охотников из Чикаго. Они не то спали, не то просто лежали усталые и злились на меня за то, что я не помог им хорошенько прицелиться и подстрелить хоть одного из тех лосей, которые попались нам на глаза на этой неделе. В палатке позади меня стояли кухонные плитки, лежали припасы, два походных туристских матраса и спальные мешки – мой и Марты. Марта еще укрывалась одеялами из лошадиных шкур, и мы оба ложились спать в джинсах, в которых собирались ходить и на следующий день, чтобы джинсы за ночь не заledenели. Была середина октября, последняя охота в сезоне, и каждое утро, когда мы седлали лошадей, у них на губах висели длинные сосульки.

– Ты пьяная? – спросил я.

– Я тебе так скажу, – ответила она, – это жуть какой хороший вопрос.

Она посмотрела на свои руки. Руки у нее были чистые. Порезы там, ожоги – это ясно, но чистые.

– Ты ведь выступал на родео, да? – спросила она.

– Сколько раз! – ответил я.

– На быках?

– На необъезженных лошадях.

– Так тебя поэтому прозвали Смелчаком?

– Смелчаком меня прозвали из-за того, что в детстве я ногу тесаком поранил и не испугался.

– А на родео тебе хоть раз досталось по-крупному?

– Однажды попался мне один жеребец необъезженный. Ну я сразу понял: этот мне задаст жару. Он меня прикончить хотел, и к гадалке не ходи. В жизни я так не боялся лошади, как этого сукина сына испугался.

– Думаешь, он это понял?

– Понял? Как он мог понять?

– Кросби говорит, что с лошастью самое важное – выяснить, кто главный.

– Это мой старикан так всегда говорит. А говорит он так, чтобы новичков попугать.

Если бы лошади такие умные были, они бы на нас верхом ездили, а не мы на них.

– И Кросби так говорит.

– Нет. – Я еще выпил. – Так говорит мой старикан.

– Значит, тот жеребец тебя скинул.

– А у меня при этом рука в узде застряла, и этот сукин сын три круга меня по арене проволока у себя под брюхом. Зрители были в восторге. И конь тоже. А я потом в больнице почти год провалялся.

– Дай мне. – Она потянулась за бутылкой. – Вот бы и мне сесть верхом на необъезженную лошадь. Я хочу выступать на родео.

– Что от меня и требовалось, – сказал я. – Я должен был тебя уболтать, рассказав эту историю.

– Твой папаша тогда что, сбрендил?

Я не стал отвечать. Поднялся и подошел к дереву, на ветках которого висели седла, а повыше кое-что из еды – чтоб медведи не достали. Я расстегнул молнию и сказал:

– Лучше зажмурься, Марта Нокс, потому как я сейчас спущу с поводка самую здоровенную тварь в горах Вайоминга.

Пока я мочился, она помалкивала, а когда вернулся к костру, сказала:

– Это в духе Кросби.

Я вытащил из кармана жестянку с табаком.

– Да нет, – сказал я. – Главное, это в духе моего старикана.

Я постучал жестянкой по ноге, взял немного табака и стал жевать. Это была последняя жестянка, табака осталось совсем мало.

– Того сволочного жеребца мой старикан потом купил, – сказал я. – Разыскал хозяина и выложил ему вдвое больше, чем эта скотина стоила. А потом завел жеребца за кухню и пристрелил – в голову пальнул. А после закопал в навозной куче.

– Ладно врать-то, – сказала Марта Нокс.

– Только ему об этом ни слова.

– Черт, само собой. Ничего не скажу.

– Он меня в больнице каждый день навещал. Мы с ним даже не разговаривали, потому что он жутко переживал. Он только курил одну сигарету за другой и швырял окурки в толчок. Дверь в туалет была открыта, и окурки пролетали над моей головой, падали в толчок и шипели. А у меня шея в гипсовый воротник была закована несколько месяцев, и я даже голову не мог повернуть, чтобы на старика поглядеть. Такая скука, черт. Я вроде как и жил только ради того, чтобы глядеть, как надо мной окурки летают.

– Заскучаешь тут, – кивнула Марта Нокс.

– Порой мой братец Кросби навевался, приносил фотки девушек.

– Само собой.

– Ну на девушек-то приятно посмотреть.

– Ясное дело. Это тебе не окурки.

Она еще выпила. Я взял бутылку, хлебнул, отдал ей, и она еще отпила. Вокруг нас лежал снег. В тот день, когда мы выехали на охоту, начался снегопад, и с тех пор снег шел почти каждую ночь. После полудня на лужайках снег местами таял, и оставались островки земли, а вокруг них – небольшие сугробы, похожие на стопки выстиранного белья. Лошади ходили по проталинам. Травы почти совсем не осталось, и лошади начали уходить по ночам – искали, где бы попасть. Мы привязали им на шею коровьи колокольчики, и оттуда, где паслись наши лошади, доносилось громкое звяканье. Это был приятный звук. Я к нему привык и настораживался только тогда, когда звяканье утихало. Если не звучали колокольчики, значит, лошади пропали, и эта тишина могла разбудить меня посреди ночи. Тогда нам приходилось идти их искать, но я знал, куда они обычно уходят, и мы отправлялись в ту сторону. Марта Нокс тоже умела их находить и не жаловалась, что приходится посреди ночи одеваться на морозе и слушать, не зазвенит ли в темноте колокольчик. Ей это нравилось. Она к этому привыкала.

– Знаешь кое-что насчет своего братца Кросби? – спросила Марта Нокс. – Он вправду думает, что знает, как обращаться с девушкой.

Я промолчал, а она спросила:

– Но как же такое может быть, Смелчак, когда тут нет никаких девушек?

- Уж Кросби в девушках разбирается, – сказал я. – Он жил в городах.
- В каких городах? В Каспере? В Шайенне?
- В Денвере. Кросби жил в Денвере.
- Ладно, в Денвере!
- Ну, а в Денвере пара-тройка девушек есть.
- Само собой. Она зевнула.
- Стало быть, он мог выучиться обращаться с девушками в Денвере.
- Я поняла, Смелчак.
- Девушкам нравится Кросби.
- Сказала бы я.
- Правда, нравится. Вот мы с Кросби поедem во Флориду как-нибудь зимой, подпортим там кое-кому семейную жизнь. Там полным-полно богатых баб. Полным-полно богатых баб, которым скучно.
- Да уж, еще бы им не скучать, – сказала Марта Нокс и расхохоталась. – Наверняка они там скучают, ну просто до слез.
- Тебе не нравится мой брат Кросби?
- Я обожаю твоего брата Кросби. Почему бы мне не нравился Кросби? Кросби просто лучше всех.
- Вот и умница.
- Но он считает, что знает, как обращаться с девушкой, и это не дает мне покоя.
- Девушкам нравится Кросби.
- Я ему как-то раз показала фотку моей сестры. И он мне сказал, что вид у нее такой, будто она угодила в кучу дерьма. Как такое можно сказать?
- У тебя есть сестра?
- Агнес. Она работает в Миссуле.
- На ранчо?
- Нет, не на ранчо. Если честно, она стриптизерша. Ей там противно работать, потому что в Миссуле колледж есть. Говорит, что парни из колледжа не дают чаевых, как перед ними ни оголяйся.
- А у тебя с моим братом Кросби что-нибудь такое было?
- Слушай, Смелчак, – сказала она. – Ты не стесняйся. Спрашивай прямо.
- О черт! Ладно, проехали.
- Знаешь, как меня в старших классах прозвали? Форт-Нокс.² А знаешь почему? Потому что я никому не позволяла залезть ко мне под юбку.
- Почему?
- Почему не позволяла? – Марта Нокс взяла с земли сухую ветку, расшевелила угли в костре и отбросила ветку в сторону. Потом отодвинула подальше от огня котелок с кофе и постучала по нему ложкой, чтобы гуща осела. – Почему не позволяла? Потому что не считала, что это слишком хорошая мысль.
- Форт-Нокс. Ну и прозвище.
- А Смелчак намного лучше, да?
- Ладно, молчу, – сказал я.
- Марта Нокс встала и пошла к палатке, а вернулась с охапкой хвороста. Я спросил:
- Ты чего?
- Костер почти погас.
- Ну и пусть гаснет. Поздно же.

² Крепость в штате Кентукки, возведенная во времена Гражданской войны в США. В настоящее время в Форт-Ноксе находятся крупная военная база и хранилище золотого запаса США.

Она не ответила.

– Мне завтра в полчетвертого утра подниматься, – сказал я.

– Если так, спокойной ночи.

– Так ведь тебе тоже в это же время вставать.

Марта Нокс подложила хвороста в костер и села.

– Смелчак, – сказала она, – не будь слабаком. – Она хорошенько хлебнула из бутылки и пропела «Мама, не расти ковбоев слабаками...».

– Вот это в духе Кросби, – сказал я.

– Я тебя кое о чем хочу попросить, Смелчак. Когда мы тут закончим, позволь мне поохотиться с тобой и Кросби.

– Не думаю, что мой старикан от этого будет в восторге.

– Я же не прошу поохотиться с твоим стариканом.

– Ему это не понравится.

– Почему?

– Ты из ружья хоть раз стреляла?

– Само собой. Когда я была маленькая, родители меня на лето отправили к дяде моего отца в Монтану. Через несколько недель я позвонила родителям и сказала: «Дядя Эрл поставил на чурбан жестяную банку из-под кофе и разрешил мне пострелять в нее, и я попала в эту хреновину шесть раз». Они меня домой пораньше забрали. Не понравилось им это.

– Выходит, твой старикан от этого тоже был бы не в восторге.

– За моего папашу переживать не надо, – сказала она. – Больше не надо за него переживать.

– Даже так?

Она сняла шляпу и положила на колени. Шляпа была старая. Когда-то ее носил мой двоюродный братец Рич. Мой старикан отдал ее Марте Нокс. Как-то утром она подержала ее над кипящим кофейником, расправила и сделала аккуратную вмятину посередине. Шляпа ей шла. В самый раз.

– А теперь послушай, Смелчак, – сказала она. – История хорошая, тебе понравится. Мой отец выращивал рождественские елки. Не так чтобы много. Ровно пятьдесят елок. Десять лет растил. Во дворе перед домом. Всю дорогу подравнивал их кухонными ножницами, и они были красивые, но высотой вот такие.

Марта Нокс вытянула руку и показала, какой высоты были елки. Фута три от земли.

– Но дело в том, что мы жили за городом, – продолжала она. – Там у всех во дворе рос лес. И никто там елок к Рождеству не покупал. Так что бизнес это был хреновый – выращивать пятьдесят елок, хоть самых раскрасивых. Денег на этом там было не сделать. Но отец все-таки упорно растил елки, а мама делала все остальное. – Марта взяла шляпу и снова надела. – В общем, в прошлом декабре отец был готов торговать елками, но никто не пришел покупать, и он жутко удивился и расстроился, потому что елки были такие распрекрасные. И запил. Тогда мы с сестрой спилили, наверное, штук двадцать этих долбанных елок и уложили в машину – у нас машина была здоровая, универсал. Сели, поехали. За час добрались до шоссе и стали останавливать проезжающие машины и раздавать людям елки. Всякий, кто останавливался, получал елку. Это было похоже... Черт. Это было похоже на Рождество.

Марта Нокс порылась в кармане куртки, нашла сигарету и закурила.

– Ну вот, – сказала она. – Вернулись мы домой. А там отец. Агнес он одним ударом с ног сбил, а мне по лицу кулаком как врежет.

– А раньше он тебя бил? – спросил я.

Она покачала головой:

– И больше не ударит.

Она посмотрела на меня холодно и спокойно. Я смотрел, как она сидит и курит свою сигарету в двух тысячах миль от родного дома, и я представил, как она шесть раз подряд попадает в треклятую кофейную банку. Мы долго молчали, а потом я спросил:

– Ты же не убила его, а?

Она не отвернулась и ответила – правда, не сразу:

– Да нет. Я его убила.

– Господи Иисусе, – наконец выговорил я. – Господи, мать твою, Иисусе.

Марта Нокс протянула мне бутылку, но я не взял. Она встала, подошла ко мне и села рядом. Положила руку мне на колено.

– Господи, – повторил я. – Господи, мать твою.

Она вздохнула.

– Смелчак, – сказала она. – Милашка. – Она погладила мою ногу и поддела меня локтем. – Ты самый доверчивый мужик, какого я только знаю в этом мире.

– Да пошла ты.

– Я пристрелила своего папашу и зарыла в навозной куче. Только никому ни слова, ладно?

– Пошла ты, Марта Нокс.

Она встала и снова уселась по другую сторону от костра.

– А ночка тогда была – просто блеск. Я валялась на дорожке возле дома с окровавленным носом. И решила, что пора сваливать.

Она еще раз протянула мне бутылку, и на этот раз я выпил. Мы долго молчали, но бутылку прикончили, а когда костер стал догорать, Марта Нокс опять подложила хвороста. А я сидел так близко к огню, что у меня подошвы сапог задымились, и я отодвинулся, но недалеко. В октябре не так легко согреться, так что от тепла отодвигаться не очень хотелось.

Слышалось звяканье колокольчиков со стороны луга. Лошади передвигались с места на место, но не уходили. Они паслись, и колокольчики звенели. Приятно было их слышать. Я мог назвать кличку каждой лошади и угадать, какая пасется рядом с ней, потому что они любили пастись парочками, а я знал, кто с кем любит пастись рядом. И еще я мог сказать, как ходит под седлом любая из лошадей и как ходили под седлом ее мать и отец. Лоси тоже бродили неподалеку, но ниже. Они, как и лошади, тоже искали, где бы получше попасть. А в других местах ходили большерогие бараны и медведи, и все они спускались с горы вниз, и я слышал их всех. Ночь выдалась ясная. Туч почти не было. То есть они налетали и тут же исчезали. Вдох-выдох – и туч нет, и почти полная луна светит ярко.

– Слушай, – сказал я, – я тут подумал – не проехаться ли верхом?

– Сейчас? – спросила Марта Нокс, и я кивнул, но она и так поняла: сейчас, да, сейчас. Еще до того, как задать этот вопрос, она посмотрела на меня так, будто прикидывала в уме разное, а больше всего – главные правила моего старикана, а правила были такие: никаких верховых прогулок во время работы – ни за что! Никаких прогулочек, никакой езды по ночам, никакой езды наобум, никакой рискованной езды, ни за что на свете, а уж особенно во время охоты. Так что еще до того, как она спросила: «Сейчас?» – она обо всем этом подумала, а еще подумала, что мы оба усталые и пьяные. В палатке за спиной Марты Нокс спали охотники, и об этом она подумала тоже. И я обо всем этом тоже подумал.

– Ладно, – сказала она.

– Слушай, – сказал я и наклонился к горящему между нами костру. – У меня вот какая мысль – не подняться ли к перевалу Вашаки?

Я внимательно смотрел на нее. Я знал, что так далеко она никогда не забиралась, но про место это наверняка слышала, потому что перевал Вашаки – это было единственное на много миль вокруг место, где можно перебраться через Континентальный Раздел и пройти вглубь Скалистых гор. Мой брат Кросби называл этот перевал «Позвоночником». Он был

узким, обледеневшим и находился высоко – тринадцать тысяч футов, но пройти по нему все же было можно, а Марта Нокс так далеко никогда не забиралась.

– Ладно, – сказала она. – Пошли.

– Слушай. Я думал, может, не стоит там задерживаться.

Она не остановилась и не посмотрела на меня, да и в лице не изменилась. Взгляд у нее был как у хорошего охотника, когда он прицеливается. Ну тут я ей и сказал:

– Возьмем по хорошей вьючной лошади, еды и поклажи, сколько можно будет уложить.

Я поеду на Стетсоне, а ты на Джейке, и мы не вернемся.

– Я поеду на Смирном.

– Только не этом сосунке с пятнистой задницей.

– Я поеду на Смирном, – повторила она. А я и забыл, что она уговорила моего старикана продать ей этого чокнутого доходягу.

– Ладно. Только имей в виду: Смирный твой для такой дороги совсем не годится.

– А с охотниками как?

– Да все с ними нормально будет. В штаны не наложат.

– Наложат.

– Нормально будет все.

– Они же как эти... как паломники к святым местам, Смелчак, – возразила Марта Нокс. – Небось на свой задний двор ни разу не выходили.

– Если они не совсем тупые, так завтра, как до них дойдет, что мы смылись, сразу сделают ноги. Отсюда до ранчо тропа вытоптана – что твое шоссе. Все с ними будет в полном порядке. До ранчо они самое позднее к вечеру доберутся. Вот тогда за нами лесную службу и отправят в погоню, не раньше. А мы, если прямо поедem, к тому времени уже на девяносто миль к югу уйдем.

– Ты только мне скажи – ты это всерьез затеял? – спросила Марта Нокс. – Потому что я-то готова.

– Я так думаю, четыре-пять дней мы будем до хребта Уинта добираться, и если нас до тех пор не изловят, то уж не изловят вовсе.

– Ладно. Давай так и сделаем.

– А оттуда двинем на юг. Придется на юг, потому что зима. Почему бы нам через пару-тройку месяцев не оказаться в Мексике, а?

– Давай сделаем это.

Господи Иисусе! Я же все придумал. Господи, мать твою, Иисусе! Мы будем красть коров и овец, а потом будем их продавать в маленьких жалких горных деревушках, где никто никогда не задает лишних вопросов.

– Смелчак, – сказала она.

– А потом мы проедемся по всем этим маленьким жалким городкам в предгорьях в Юте и Вайоминге и везде будем грабить банки. Не вылезая из седла.

– Смелчак, – снова сказала она.

– Небось уже сто лет никто не грабил банк, не вылезая из седла. Они просто не будут знать, что с нами делать. Будут гоняться за нами на машинах, а мы вон уже где. Перемахнули через кордоны – и снова в горы, с мешками денег. Ищи-свищи.

– Смелчак, – сказала Марта Нокс, а ведь я ей так и не ответил, но на этот раз замолчал. – Смелчак, – сказала она. – В тебе полным-полно дерьма, верно?

– Думаю, четыре-пять месяцев мы продержимся, пока нас в конце концов не пристрелят.

– В тебе полным-полно дерьма. Никуда ты не уедешь.

– Думаешь, я ничего такого не сделаю?

– Я даже говорить об этом не хочу.

– Думаешь, не сделаю?

– Хочешь смыться, прихватить с собой лошадей и поглядеть, не прикончат ли нас где-нибудь? Отлично, я двумя руками «за». Но насчет коров воровать и грабить банки – это дерьмо не по мне.

– Перестань, – сказал я. – Перестань, Марта Нокс.

– Ты просто повязан по рукам и ногам. Повязан.

– Ты все равно не смылась бы вот так.

Она глянула на меня так, будто собралась ляпнуть какую-нибудь грубость, но просто встала и вылила из котелка остатки кофе в костер, чтобы его загасить.

– Перестань, Марта Нокс, – сказал я.

Она снова села, но стало темно, и я плоховато ее видел.

– Ты со мной больше так не шути, – сказала она.

– Перестань. Просто ты не можешь вот так смыться.

– Черта с два не могу.

– Что, ты просто так взяла бы и украла лошадей у моего старикана?

– Смирный – моя лошадь, чтоб ты знал.

– Перестань, Марта Нокс, – сказал я, а она встала и пошла к палатке у меня за спиной. А потом палатка осветилась изнутри, как бывало по утрам до того, как вставало солнце, когда Марта Нокс собирала еду для меня и охотников, а я, стоя на лугу и седлая лошадей, видел, как светится палатка. Правда, она светилась не то чтобы очень ярко, потому что Марта Нокс зажигала только один фонарь.

Я ждал. Она вышла из палатки с этим самым фонарем. И еще у нее в руке была уздечка. Она ее сняла с крюка над кухонными плитами, мы там всегда уздечки вешали, чтоб они не заledenели после того, как росой покроются, чтоб на них тоже сосульки не висели, как на лошадиных губах по утрам. Она прошла мимо меня к лугу. Она шла быстро, как всегда, и, как всегда, по-мальчишески.

Я встал и пошел за ней. Мне под ногу попался камень, я оступился и схватил ее за руку.

– Одна ты не поедешь, – сказал я.

– Поеду. Я уезжаю в Мексику. Посреди ночи. Я и эта уздечка, больше никого...

А потом она сказала:

– Я шучу, Смельчак.

Так она сказала, хотя я ей не ответил.

Я держал ее за руку, и мы шли рядом. Земля была неровная. Где мокро, а где снегом припорошило. Порой мы поскальзывались на камнях и поддерживали друг дружку, но не падали. Все-таки фонарь нам помогал видеть дорогу. Мы шли на звяканье колокольчиков, пока не разыскали лошадей. Марта Нокс поставила фонарь на пень. Мы смотрели на лошадей, а они на нас. Некоторым из них мы, похоже, не понравились. Одни стали отходить боком, а другие и вовсе развернулись и пошли прочь. А Стетсон подошел ко мне. Я протянул руку, он ее обнюхал и уткнулся в нее мордой. А потом отступил на шаг и принялся снова пастись, и колокольчик у него на шее звякнул так, будто этот шаг был жутко важный, но только на самом деле колокольчики звенели, когда им вздумается, и ничего такого в этом не было.

Марта Нокс стояла в окружении лошадей, она говорила им слова, какие мы всегда говорим лошадям.

– Ну, ну, вот так, спокойно, полегче, дружок.

Мы говорили так, будто лошади понимают слова, хотя на самом деле важен-то только голос, а слова можно какие угодно говорить.

Марта Нокс разыскала Смирного. Я смотрел, как она надевает на него уздечку. Я смотрел, как он дает ей надеть на себя уздечку, смотрел на пятна на его спине и крупе. Было

так темно, и эти пятна были такие уродливые, наляпанные там и сям, будто по ошибке. Я подошел ближе. Разговаривая со Смирным, она перебросила уздечку через его ухо.

Я сказал:

– Знаешь, а мой старикан купил этого конягу у прежнего хозяина всего за сотню долларов, вот как он тому малому осточертел.

– Смирный – самый лучший. Погляди, какие у него красивые ноги.

– Мой старикан говорит: его бы надо было Смурным назвать.

– А по-моему, лучше бы Смазливым, – сказала она, и я расхохотался. Слишком громко расхохотался, и Смирный встревоженно запрокинул голову.

– Тихо, тихо, – сказала коню Марта Нокс. – Успокойся, мой мальчик.

– Знаешь, почему индейцы в бой скачут на необъездках? – спросил я.

– Знаю.

– Чтобы те, пока до места доскачут, успели присмиреть.

Марта Нокс хмыкнула:

– Хочешь угадать, сколько раз за лето я уже слышала эту шутку?

– Терпеть не могу необъездков. Ненавижу просто.

Марта Нокс встала рядом со Смирным и погладила его по спине. Взяла поводья, ухватила за гриву коня и ловко вскочила в седло. Хорошо у нее получилось – совсем как я ее в июне научил. Смирный протанцевал назад на несколько шагов, но она натянула поводья и прикоснулась к его шее, и конь остановился.

– Ты едешь или нет? – спросила она.

– Ни за какие деньги не сяду на этого доходягу с пятнистой задницей.

– Садись, говорю.

– Двоих он без седла не выдержит.

– А я говорю, выдержит. Давай садись.

– Стой спокойно, парень, – сказал я и, вспрыгнув на коня, уселся позади Марты Нокс. Я еще не успел устроиться поудобнее, а Смирный уже подался вбок, но на этот раз Марта Нокс дала ему немножко потанцевать, а уж потом пришпорила, и он пошел неторопливой рысью, только я успел обнять Марту Нокс обеими руками и ухватиться за гриву. Смирный немного пробежал рысью, потом пошел шагом. Она позволила ему идти, куда он пожелает, и он пару раз лениво обошел вокруг пенька с фонарем. Он принюхивался к кобыле, но та быстро смылась от него. Потом подошел к дереву и встал как вкопанный.

– Хороша прогулочка, – сказал я.

Марта Нокс пришпорила Смирного – и на этот раз по-серьезному, не так ласково, как сначала. Он сразу очнулся и побежал, а когда она еще разок ему каблуками в бока врезала, поскакал во всю прыть. Мы с Мартой Нокс были порядком пьяны, да и темно было, и на лугу хватало всякого, чтобы лошадь могла оступиться, но скакали мы резво. Смирный громко стучал копытами, и колокольчик у него на шее звенел так отчаянно, что растревожил остальных лошадей. Мы проскакали мимо них, и они с перепуга разбежались. Я услышал, как некоторые заржали и поскакали за нами.

Хоть у Марты Нокс в руках были поводья, держала она их просто так, как бы для виду. У меня шляпа слетела, у нее тоже. А потом Смирный то ли оступился, то ли взбрыкнул, как это бывает с лошадьми, которые любят быстро побегать, а может, мы с Мартой Нокс набок свесились – словом, мы упали. Я крепко обнимал ее за талию, и свалились мы вместе, так что кто знал, кто упал первый, кто виноват? Этот луг – он для дальних верховых поездок был самый что ни на есть лучший, но охота в этом сезоне его доканала. Следующей весной все тут будет по-другому – будет свежая трава, намокшая от росы, а в ту ночь была только твердая, смерзшаяся земля, так что стукнулись мы неслабо. И я, и Марта Нокс ушиблись

бедром и плечом. Мне-то было не больно, да и ей, я думаю, тоже. Только я и спросить не успел, больно ей или нет, потому что она засмеялась.

– Ох, ну надо же, – проговорила она. – Черт!

Я вытащил руку из-под нее и перевернулся на спину, и она тоже на спину легла. Мы теперь были далеко от оставленного на пеньке фонаря, но луна была большая и светила ярко. Я повернул голову и увидел лицо Марты Нокс. Шляпу она потеряла. Лежала, потирала руку и смотрела в небо. А небо было такое, какое мы видим нечасто. Его то деревья заслоняют, то тучи, а бывает, мы спим или на костер смотрим.

Смирный вернулся. Сначала вернулся звук его колокольчика, а потом к нам склонилась его большая морда, и нас обдало горячим дыханием. Он обнюхивал нас так, словно мы были кустами или еще чем-то, что он мог бы сжевать.

– Ты хороший конь, Смирный, – сказала Марта Нокс не таким голосом, каким мы обычно говорим с лошадьми, а самым обычным. Значит, так и думала. Вряд ли она мечтала о том, чтобы я ее поцеловал, а вот мне ее поцеловать очень хотелось. Она выглядела просто потрясающе. Лежала на мерзлой, мертвой земле, а выглядела так же красиво и чудесно, как свежая трава или ягоды.

– Ты хороший конь, – снова сказала она Смирному так, будто была в этом очень даже уверена. А он опять осторожно понюхал ее.

А я тоже посмотрел на небо, и звезды показались мне не такими, какими я видел раньше. Почудилось, что они незнакомые, что они стали ближе. Я смотрел на них так долго, что увидел, как одна звезда начала падать. Она падала долго-долго. Когда небо ясное, такое часто можно увидеть. Но эта звезда оставила на небе след – медленную тонкую дугу, как будто у нас над головой пролетела непогасшая сигарета. Марта Нокс сжимала рукой поводья Смирного. Видела она эту падучую звезду или нет – она ничего мне про то не сказала.

Разговор с лосями

Бенни жил у Эда и Джин уже больше года. Его мать была сестрой Джин, и она все еще лежала в больнице в Шайенне, в коме, потому что наехала на своей машине на снегоуборщик: когда как-то раз поздно вечером возвращалась домой с занятий по рисованию. Как только Джин узнала об этом несчастье, она сразу предложила забрать к себе восьмилетнего племянника, и все родственники согласилась, что для Бенни это будет самое лучшее. Когда у Джин спрашивали, где же отец Бенни, она отвечала просто: «Он сейчас недоступен», – будто он был жутко занятым бизнесменом, который просто не мог подойти к телефону.

У Эда и Джин была дочь – замужняя, она жила в Огайо. Перебравшись из города в домик в горах, они никак не ожидали, что когда-нибудь им придется жить там с ребенком. И вот теперь с ними жил Бенни, и Джин каждое утро проезжала пять миль по проселочной дороге, чтобы поспеть к школьному автобусу, который забирал Бенни. А к вечеру она встречала мальчика на том же самом месте. Зимой ездить было труднее из-за снега – в этих краях всегда выпадало много снега, – но ничего, она справлялась.

Эд работал в департаменте охоты и рыбалки и водил большой зеленый грузовик с эмблемой штата на дверцах. Возраст у Эда был предпенсионный, и не так давно у него появился животик – круглый и крепкий, как у беременной школьницы. Когда он оставался дома, то пилил и складывал в поленницу дрова или чинил дом. Они постоянно старались лучше утеплить свой дом, то и дело находили какие-то прорехи и щелочки и конопатили их, чтобы не мерзнуть зимой. В июле и августе Джин консервировала и замораживала овощи со своего огорода, а когда отправлялась на прогулку, всегда собирала вдоль тропинок хвост для растопки и приносила домой. Домик был совсем маленький, с небольшим задним крыльцом, выходившим на лес. Гостиную Джин превратила в спальню для Бенни, и он спал там на диванчике под теплым пледом.

Был конец октября, и Эд уехал на выходные в Джексон, чтобы выступить там с речью насчет браконьерства на каком-то собрании. Джин ехала, чтобы забрать Бенни на остановке автобуса. Вдруг она заметила мчащийся навстречу на большой скорости универсал с прицепленным к нему домиком-трейлером. Джин поспешно свернула в сторону. Универсал едва не зацепил ее. Бок ее машины царапнули кусты, росшие на обочине, и она поморщилась. Отъехав подальше, она взглянула в зеркало заднего вида и попыталась разглядеть за облаком пыли трейлер.

Она не могла вспомнить, когда в последний раз встречала машину на этой дороге. Дом Эда и Джин был единственным на много миль вокруг, поэтому уж если тут кто и проезжал, так разве что охотники в кузове грузовика или влюбленная парочка подростков, ищущих уединенное местечко. По идее, универсалу с трейлером делать здесь было нечего. Джин представила себе, что в машине – семейство, отправившееся в отпуск и заблудившееся по пути в Йеллоустоун. Несчастные детишки хнычут на заднем сиденье, а отец упрямо гонит машину вперед, не желая остановиться и спросить дорогу. На такой скорости он всех покалечит.

В этот день школьный автобус прошел немного раньше, и, когда Джин выехала на шоссе, Бенни уже ждал ее. Маленький, ненамного выше почтового ящика на столбике, он стоял, крепко прижимая к груди коробку для ланча.

- Я передумал, – сообщил Бенни, сев в машину. – Я хочу быть каратистом.
- Но мы уже приготовили тебе костюм, Бенни.
- Это не настоящий костюм. Это моя форма «Маленькой лиги»,³ вот и все.

³ «Маленькая лига» («Little League») – некоммерческая организация в США, созданная в 1939 г. и объединяющая дет-

– Бен. Ты хотел надеть этот костюм. Ты мне так сказал, когда я тебя спросила, кем ты хочешь нарядиться на Хеллоуин.

– Хочу быть каратистом, – повторил мальчик. Он не канючил, он говорил медленно и громко, как всегда, будто бы все, кто его окружал, были глуховаты или только что начали изучать английский.

– Мне очень жаль. Не получится, – ответила Джин. – Новый костюм мы сшить не успеем.

Бенни стал смотреть в окошко. Он скрестил руки на груди. Через несколько минут он сказал:

– А мне очень хочется быть каратистом.

– Бен, не капризничай. Не надо так, хорошо?

Он ничего не ответил. Только покорно вздохнул – совсем как чья-нибудь мамочка. Джин молча вела машину гораздо медленнее, чем обычно. На каждом повороте дороги она вспоминала о бешено мчащемся универсале. Они проехали примерно половину дороги до дома, когда она спросила:

– У тебя сегодня рисование было, Бенни?

Он покачал головой.

– Нет? А физкультура была?

– Нет, – ответил Бенни. – Музыка была.

– Музыка? Выучили какие-нибудь новые песенки?

Мальчик пожал плечами.

– Может быть, споешь мне то, что вы сегодня выучили?

Бенни молчал. Джин повторила:

– Может, споешь мне то, что вы сегодня выучили? Так хотелось бы послушать новые песенки.

Помолчав еще немного, Бенни вытащил изо рта серо-голубой комоч жевательной резинки и приклеил его к ручке коробки для ланча. Затем, устремив серьезный взгляд в лобовое стекло, он негромко и монотонно проговорил нараспев:

– У фермера была собака, и звали ее Бинго. О-о, Б-И-Н-Г-О, – проговорил он, старательно произнося каждую букву. – Б-И-Н-Г-О, Б-И-Н-Г-О. И звали ее, – добавил Бенни, – Бинго. О-о.

Он отклеил жевательную резинку от коробки для ланча и сунул в рот.

Вечером, после ужина, Джин помогла Бенни надеть форму «Маленькой лиги», вырезала из катафотной ленты полоски и пришила их поперек номера на спине бейсбольной куртки.

– Это зачем? – спросил Бенни.

– Это чтобы машины видели тебя так же хорошо, как ты их, – ответила Джин.

Бенни не стал возражать. Они уже успели поспорить насчет того, надевать ли шапку и перчатки, и Бенни этот спор выиграл, поэтому теперь смирился и позволил Джин пришить ленточки к куртке. А потом Джин нашла в ящике письменного стола старенький «полароид» и принесла в гостиную.

– Сделаю снимок и покажем дяде Эду, когда он вернется домой, – сказала она. – Ты так замечательно выглядишь. Он захочет посмотреть.

Она поймала Бенни в маленький квадратик видоискателя и стала пятиться назад, пока мальчик не попал в рамку в полный рост.

– Улыбочка, – сказала она. – Вот так...

Он не моргнул даже во время вспышки. Не пошевелился. А улыбнулся в самый последний момент, как бы сделав ей одолжение. А потом они вместе смотрели, как из фотокамеры медленно выползает тусклый сырой снимок.

– Возьми фотографию за краешек, осторожно, – сказала Джин, – и смотри, что будет.

В дверь постучали. Джин испуганно встала с дивана и посмотрела на Бенни. Держа двумя пальцами проявляющуюся фотографию, он посмотрел на нее взволнованно и удивленно.

– Сиди здесь, – сказала Джин и подошла к окну в дальней стене дома. Уже стемнело, и ей пришлось прижаться лицом к холодному стеклу. На крыльце она разглядела темные фигуры. Снова послышался стук, и тоненький голосок, приглушенный толстой дубовой дверью, прокричал:

– Конфеты или смерть!

Джин отперла дверь и увидела двух взрослых и маленького ребенка. Все они были в коричневых зимних комбинезонах, и у всех троих к вязаным шапочкам были прикреплены изолентой длинные ветки. Женщина шагнула вперед и протянула руку.

– Мы Дональдсоны, – представилась она. – Ваши соседи.

– Мы лоси, – добавила девочка, потрогав ветки, приклеенные к шапочке. – Это наши рожки.

– Рога, детка, – поправила ее мать. – Рожки у коз. А у лосей рога.

Джин перевела взгляд с девочки на ее мать и на отца, стоявшего рядом с ними. Он спокойно снимал перчатки.

– Когда дверь открыта, из дома выходит тепло, – проговорил он негромко и ровно. – Пожалуй, вам бы стоило нас впустить.

– О... – смутилась Джин и посторонилась, пропуская их. Закрыв дверь, она прислонилась к ней спиной и прижалась ладонями.

– Ой, что это такое? – спросила женщина, опустившись на колени рядом с Бенни и подобрав фотографию, которую он уронил. – Твоя фотография?

– Извините, – вмешалась Джин. – Мне ужасно жаль, но я вас совсем не знаю.

Все трое неожиданных гостей трудно обернулись и уставились на нее.

– Мы Дональдсоны, – сказала женщина, слегка нахмурясь. Похоже, заявление Джин ее удивило. – Мы ваши соседи.

– У нас нет никаких соседей, – возразила Джин. – Кроме нас, здесь никто не живет.

– Мы только сегодня переехали, – странно тихим голосом сказал мужчина. Девочка стояла рядом с ним и держалась за его ногу, а его рука лежала у нее на макушке между «рогами».

– Куда переехали? – спросила Джин.

– Мы купили акр земли в полумиле отсюда. – Он произнес это таким тоном, словно считал, что она ведет себя невежливо, задавая столько вопросов. – Пока живем в трейлере.

– В трейлере? – переспросила Джин. – Так это вас я сегодня видела? На дороге?

– Да, – ответил мужчина.

– Вы ехали слишком быстро, вам так не кажется?

– Да, – сказал он.

– Мы торопились, чтобы добраться сюда до темноты, – добавила его жена.

– На таких дорогах надо вести машину очень осторожно, – сказала Джин. – Опасно ездить так быстро.

Ответа не последовало. Все трое смотрели на Джин с вежливым равнодушием, словно ждали, что она скажет что-то еще, что-то более подходящее.

– А я не знала, что в конце нашей дороги продается земля, – сказала Джин, и ответом ей было все то же молчание, все те же равнодушные взгляды. Даже Бенни смотрел на нее с некоторым любопытством.

– Мы никак не ожидали, что у нас появятся соседи, – призналась Джин. – В такой дали.

И снова молчание. Нет, ничего недружелюбного в их взглядах не было, но ей эти люди казались какими-то чужими, и ей было очень не по себе.

Девочка, которой, наверное, еще и четырех лет не исполнилось, повернулась к Бенни и спросила:

– А ты кто такой, а?

Бенни тут же посмотрел на Джин, как бы желая спросить, что ответить, и перевел взгляд на девочку. Ее мать улыбнулась:

– Думаю, она хотела спросить, что у тебя за костюм, милый.

– Я бейсболист, – ответил Бенни.

– А мы лоси, – сообщила ему девочка. – И вот это наши ро-ога.

Женщина с улыбкой посмотрела на Джин. Зубы у нее были крупные и ровные, но в деснах сидели глубоко, как у женщин-эскимосок, которые всю жизнь жуют кожу.

– Меня зовут Одри, – сказала женщина. – А это мой муж Ланц, но он предпочитает, чтобы его называли Эл Ди. Он не любит свое имя. Он считает, что оно звучит почти как название медицинского инструмента. Это наша дочь, София. Мы соорудили наши костюмы в попытках, но ей они ужасно нравятся. А когда она вечером увидела ваш домик, она уговорила нас пойти и покричать возле вашей двери «Конфеты или смерть!».

– Мы собирались уезжать, – сказала Джин. – Я везу Бенни в школу на хеллоуинскую вечеринку.

– Ой, как здорово! – просияла Одри. – А малышам туда можно?

– Нет, – поспешно ответила Джин, хотя на самом деле она не знала, какие в школе правила на этот счет.

– Ну, значит, мы сегодня больше никуда не пойдем, – сказала Одри. – Правда, попозже можно прогуляться, поговорить с лосями.

– Вы их слышали? – осведомился Эл Ди.

– Прошу прощения? – нахмурилась Джин.

– Я спрашиваю: вы слышали лосей?

– Мы все время слышим лосей. Честно говоря, я не совсем понимаю, о чем вы говорите.

Эл Ди и Одри обменялись победными взглядами.

– Эл Ди музыкант, – объяснила Одри. – Прошлым летом мы провели отпуск здесь, в Вайоминге, и его просто покорили голоса лосей, этот трубный звук. Звук и вправду чудесный.

Джин этот звук знала очень хорошо. Осенью почти каждую ночь лоси перекликались в лесах. Трудно было сказать, насколько близко они подходили к дому, но звук был громкий и призывный: долгий, почти обезьяний хрипловатый крик, а потом басовитые стоны. Эти звуки Джин знала с детства. Ей случалось видеть, как, заслышав голоса лосей, лошади останавливаются на лесной дороге и стоят, высоко подняв голову, наострив уши и нервно фыркая, готовые убежать.

– Эл Ди сделал несколько записей. Голоса лосей дали ему вдохновение для собственного творчества, – продолжала рассказывать Одри. – А вы когда-нибудь жили в большом городе?

– Нет, – ответила Джин.

– Ну... – Одри сделала большие глаза. – Так я вам вот что скажу: многое там можно вытерпеть, но всему есть предел. Ну, представьте: три месяца назад я собралась за покупками и вдруг обнаружила, что вынула все кредитные карточки из кошелька, чтобы, если

меня ограбят, мне не пришлось потом мучиться и оформлять новые карточки. Я сделала это, почти не задумываясь, как будто это нормально – так жить. И в тот вечер я сказала Эл Ди: «Мы уезжаем. Нам нужно убраться из этого безумного города». И конечно, он с огромной радостью согласился.

Джин посмотрела на Бенни. Тот все это время стоял тихо и слушал. На несколько минут она забыла о том, что он здесь, и ее охватило чувство вины – точно такое, какое она порой испытывала во время ужина, когда вдруг удивлялась, увидев Бенни за столом между собой и Эдом.

– Что ж, – проговорила Джин, поправив съехавшие на нос очки. – Нам пора.

– Послушайте, – сказал Эл Ди и вытащил из кармана черный плоский диск. Он зажал его губами, и гостиная дома Джин вдруг наполнилась лосиным голосом – хриплым и гулким.

Звук был настолько неожиданным, что Бенни вздрогнул. Эл Ди вынул диск изо рта и улыбнулся.

– О, дорогой, – поморщилась Одри. – В доме получается так громко. Не стоит тебе трубить у людей в доме. Не бойся, – успокоила она Бенни. – Это просто лосиный манок.

Джин однажды видела и слышала такой манок. Друг Эда был охотником-проводником и таким манком подзывал лося-самца. Как-то раз он потрубил в манок при Джин, и она рассмеялась – таким фальшивым ей показался звук. «С таким же успехом, – сказала она тогда, – ты мог бы встать на поляне и крикнуть: „Лосик-лосик, иди сюда!“» Манок у Эл Ди с виду был похожий, но звук получился громкий и пугающе реальный.

Бенни улыбнулся Джин:

– Ты слышала?

Она кивнула.

– А вы знаете, что на лосей можно охотиться только во время сезона и с лицензией? – спросила она у Эл Ди.

– Мы не хотим на них охотиться, – сказала Одри. – Мы просто хотим с ними поговорить.

– А как вам показалось, звук похожий? – спросил Эл Ди. – Я долго упражнялся.

– Как вы это сделали? – спросил Бенни.

Эл Ди протянул ему диск.

– Это называется «мембрана», – объяснил Эл Ди. Бенни повертел диск в руках и поднес ближе к свету. – Она сделана из резины. Нужно взять в рот поглубже и дунуть в нее. Это не так просто, и нужно держать мембрану во рту осторожно, чтобы не проглотить. Для разных звуков есть мембраны разных размеров. Эта воспроизводит звук голоса взрослого лося. Брачный зов.

– А можно мне попробовать?

– Нет, – сказала Джин. – Не бери это в рот. Это чужая вещь.

Бенни неохотно отдал диск Эл Ди. Тот сказал:

– Пусть твой папа купит тебе такой манок.

При упоминании о папе Джин мысленно содрогнулась, а Бенни только задумчиво кивнул.

– Ладно, – сказал он. – Конечно.

Джин сняла пальто с вешалки у двери и надела.

– Пошли, Бен, – сказала она. – Пора ехать.

Эл Ди поднял на руки Софию, усевшуюся на его ботинки. Изолента, который был прикреплен один из ее «рогов», отклеилась, и ветка повисла за спиной у девочки, как косичка.

– Правда, она просто прелесть? – спросила Одри.

Джин открыла дверь нараспашку и пропустила Дональдсонов. Они вышли на крыльцо. Бенни пошел за ними – маленький, безрогий. Джин выключила свет, вышла, вынула зало-

женный в записную книжку ключ и впервые с того дня, как они с Эдом поселились в этом доме, заперла дверь на замок.

Ночь была ясная. Светила почти полная луна. Снег пока не выпал – то есть он шел несколько раз, но быстро таял, – но по особому запаху воздуха Джин догадалась, что на следующий день может сильно похолодать и тогда снег ляжет. Она вспомнила, что где-то читала о том, что медведи перед спячкой ждут первого снегопада с метелью, чтобы сразу замело их следы, ведущие к берлогу. «Долго в этом году не ложится снег, – подумала Джин. – Наверное, местные медведи уже замучились ждать».

Дональдсоны стояли на крыльце и смотрели в сторону леса, начинавшегося сразу за небольшим задним двориком Джин.

– Прошлым летом я добился успеха – лось мне ответил, – сказал Эл Ди. – Было просто потрясающе – вот так поговорить со зверем.

Он сунул манок в рот и снова издал лосиный зов – прозвучавший гораздо громче, чем в доме, и гораздо реалистичнее. «Человек не имеет права так громко трубить здесь», – подумала Джин.

А потом стало тихо, и они все стояли и смотрели на лес, словно ждали, что им ответят деревья. Джин забыла взять перчатки. Руки у нее замерзли, и ей хотелось поскорее сесть в машину и согреться. Она наклонилась и положила руку на плечо Бенни.

– Пойдем, милый, – сказала она, но он по-взрослому решительно сжал ее руку и прошептал:

– Погоди. – И добавил: – Слушай.

Она ничего не услышала. Эл Ди опустил Софию, и теперь все семейство стояло на краю крыльца. Их «рога» чернели на фоне ночного неба. «Не стоило им так старательно делать костюмы, – подумала Джин. – А то ведь могут и пристрелить». Она сунула руки в карманы пальто и поежилась от холода.

Через некоторое время Эл Ди снова дунул в манок. Сначала раздался долгий хриплый крик, потом – несколько басовых стонов. Все стояли в напряженной тишине, слегка наклонившись вперед, и слушали, слушали, словно боялись, что ответ прозвучит слишком тихо, хотя не надо было слишком уж старательно прислушиваться: если бы матерый лось ответил, все бы сразу слышали его голос.

Эл Ди снова подудел, и на этот раз, как только стихла последняя нота, Джин услышала ответный звук. Она услышала его первой. В первые несколько мгновений остальные не поняли, что происходит, да и сама Джин подумала было, что это медведь возится в кустах. А догадалась она в последнюю секунду, как раз перед тем, как из леса выбежал лось. Земля успела промерзнуть, и был хорошо слышен легкий и быстрый стук его копыт. Пробежавшись по кругу, лось остановился на черных грядках огорода Джин.

– О Господи, – еле слышно вымолвила Джин и быстро сосчитала острия на раскидистых рогах лося, сливавшихся с темными ветками и стволами деревьев. Лось появился быстро, без предупреждения. Он не прятался – похоже, был готов к бою. Этот лось явно не желал беседовать с Дональдсонами. Он хотел узнать, кто вторгся на его территорию, кто посмел призвать лосиху. И вот теперь он стоял так близко и смотрел словно бы прямо на людей. Но свет в доме не горел, и лось не мог разглядеть их фигуры. И ветра не было, так что он не мог учуять их запах, поэтому стоял и тарасился в ту сторону, откуда донесся зов.

Джин заметила, как София медленно подняла руку и обхватила ногу отца. Больше никто не шевелился. Через несколько секунд лось неторопливо шагнул влево, остановился, помедлил, вернулся на прежнее место, сделал несколько шагов вправо. При этом он дважды поворачивался боком и все время не спускал глаз с крыльца. Он не запрокинул голову, как сделала бы лошадь, не принял угрожающей позы. Медленно, спокойно он еще раз прошелся в одну и в другую сторону.

Джин увидела, что Эл Ди поднес руку к губам и поправил манок. Она наклонилась вперед и положила руку ему на плечо. Он обернулся. Она одними губами произнесла:

– Нет.

Он нахмурился и отвернулся. Она увидела, что он делает вдох, крепче сжала его руку и произнесла так тихо, что если бы кто-то стоял в трех футах от нее, ничего не услышал бы:

– Не надо.

Эл Ди вынул манок изо рта. Джин облегченно выдохнула. Из леса вышли две лосихи: одна взрослая, а вторая – стройная однолетка. Сначала они посмотрели на лося, потом – на дом, а потом медленно, словно бы понимая, что к чему, подошли к огороду. Все трое лосей еще какое-то время постояли рядом. Джин казалось, что она никогда не слышала такой, почти осязаемой, тишины. Она не видела глаз лосей, но словно бы кожей чувствовала их взгляд, и ощущение у нее было такое, будто она попала на спиритический сеанс, устроенный шутки ради, а вызываемые духи взяли и явились по-настоящему.

Но вот лоси начали отходить к лесу. Старшие зашагали решительно, а однолетка пару раз оглянулась на дом. Что означал ее взгляд – Джин не поняла. Лоси вошли в лес и мгновенно скрылись из виду. Никто из стоявших на крыльце не пошевелился. Наконец София тихонько проговорила:

– Папочка.

Одри обернулась, улыбнулась Джин и медленно покачала головой.

– Хоть когда-нибудь в жизни, – спросила она, – вы чувствовали себя настолько... избранной?

Джин не стала отвечать. Она взяла Бенни за руку и торопливо повела к машине. Она не стала оглядываться на Дональдсонов, стоявших на крыльце ее дома. Она не посмотрела в их сторону даже тогда, когда ей пришлось немного подождать, пока прогреется включенный мотор.

– Ты видела? Видела? – спросил Бенни сдавленным от волнения голосом, но Джин ему тоже не стала отвечать.

Она повела машину, включив только ближний свет, и стремительно вывернула на другую сторону дороги, не боясь ни встречного движения, ни каких-либо препятствий на пути. Она ехала так быстро, как никогда не ездила раньше. Все пять миль до шоссе ее подгоняла злость, и она не сбавляла скорости до тех пор, пока не осознала, что ее не просто втянули во что-то неправильное, но она еще и участвовала в чем-то неправильном. «Они не имели права, – думала она вновь и вновь, – они не имели никакого права делать такое только потому, что могли это сделать». И тут она вспомнила, что она не одна, что рядом с ней Бенни, за которого она отвечает, и тогда она наконец сбросила скорость.

На миг она пожалела о том, что с ней нет мужа, но она тут же прогнала эту мысль, решив, что людей теперь здесь и так стало слишком много.

Алиса едет на восток

От дома Роя до центра Вероны можно было доехать за двадцать минут по подсолнуховым полям, тянувшимся по обе стороны от дороги. Эти поля были плоскими и бесконечными, как вся среднезападная равнина. Это было хорошее шоссе, ровное и гладкое, и ничто его не прерывало, кроме линии горизонта да рельсов Северной Тихоокеанской железной дороги. Когда дочь Роя, Эмма, была маленькая, он научил ее ездить на двухколесном велосипеде по желтой линии, отделявшей тех, кто едет на восток, от тех, кто едет на запад. Это было не так уж опасно: немногочисленные машины можно было заметить издали. Всегда хватало времени принять решение – свернуть в сторону.

Примерно в десяти милях от города стоял элеватор, возвышавшийся с заносчивостью, вполне уместной для единственной в округе постройки больше двух этажей. Рой как раз проехал мимо того места, откуда был хорошо виден элеватор, когда вдруг заметил впереди какой-то незнакомый объект. Подъехав поближе, он разглядел машину. Белый пикап стоял на обочине, мигая фарами. Рой сбавил скорость, увидел, что у машины номера штата Монтана, и так небрежно притормозил около пикапа, словно останавливался на этом месте каждый день.

Рой вышел из машины, выключать мотор не стал, отошел на пару шагов и только потом увидел их в кювете. Он остановился и, медленно вытянув руку, положил ее на теплый капот своей машины. Их было двое. Подростки. Девочка стояла. Мальчик опустился на колени рядом с ней и отрезал ножом штанину ее джинсов. Рой сначала испугался, а потом смутился. В этой сцене было что-то странно интимное: девочка, стоявшая чуть-чуть расставив ноги и подбоченившись, мальчик на коленях, блеск его ножа, обнаженная кожа девочки. Постепенно джинсы превращались в шорты.

Через пару секунд девочка повернулась и посмотрела на Роя с чуть заметным интересом. Ее волосы, короткие и темные, прилипли к голове, словно она только что сняла бейсболку. На ней была белая мужская майка, к вырезу которой были прицеплены темные очки.

– Привет, – сказала она.

– Я увидел, что вы стоите, – сказал Рой. – Подумал – может, вам помощь нужна?

Она указала на грузовичок:

– Да, вообще-то. Он вдруг взял и заглох.

– Бензонасос, – добавил мальчик. – Засорился, наверное.

– Хотите, я посмотрю?

Девочка пожала плечами:

– Ну, посмотрите.

Рой подождал. Мальчик перерезал ножом толстый внутренний шов, и девочка вынула ногу из отрезанной штанины. Теперь одна нога у нее оголилась. Она так и направилась к машине – наполовину в джинсах, наполовину в шортах. Подойдя к пикапу, она открыла дверцу и подняла крышку капота. Рой подошел к машине спереди и заметил, что решетка радиатора облеплена высохшими бабочками и кузнечиками. Они с девочкой вместе смотрели на пыльный блок двигателя, и она тонкой рукой указала на хитросплетение трубочек и шлангов и сказала:

– Пит думает, что вот это сломалось. Бензонасос.

– Если так, то вам понадобится новый, – сказал Рой.

– Пит тоже так думает.

– А это что, три с половиной?

– Это «Шеви», – ответила девочка.

– Я про двигатель. Какой объем?

– Три с половиной, – крикнул мальчик с другой стороны машины.

– Я так и знала, что без заморочек не обойдется, – сокрушенно проговорила девочка. – Вот проклятье... Я-то думала, мы хотя бы Северную Дакоту проскочим.

– А вы из Монтаны?

– Ага. Прямо у границы живем. А вы здешний?

– Да, – ответил Рой. – Живу неподалеку от Вероны.

Он подумал: как странно – он сказал это так, как другие люди говорят, что живут совсем рядом с Чикаго или в десяти минутах от Манхэттена. Как будто это что-то значило. В Вероне не было ничего особенного, как не было ничего особенного и неподалеку от нее, кроме подсолнуховых полей и дома Роя.

– Мы и двух дней еще не проехали, и надо же... – Девочка не договорила и улыбнулась Рою. – Меня зовут Алиса, – сказала она. Когда она произносила букву «с», кончик ее языка появился между зубов и тут же исчез.

– А меня Рой. Я знаю кое-кого в Вероне, у кого может отыскаться нужная вам запчасть. Могу вас подвезти. Если хотите.

– Я у Пита спрошу. Он мой брат.

Она пошла к кювету. Рой стоял около машины и смотрел ей вслед. Он не поверил, что они родственники. Что-то было не так в том, как она произнесла: «Он мой брат». Слишком поспешно добавила эти слова. Слишком подчеркнуто проговорила.

Пит лежал на спине посреди жухлой травы. Когда подошла Алиса, он сел, вытер лоб рукой и пожаловался, что жарко.

– Закончи с моими шортами, и он подкинет нас до города, – сказала Алиса. – Он мне сказал, что у одного парня, может быть, есть запчасти.

Пит вытащил из кармана складной ножик, раскрыл его и приступил ко второй штанине Алисиных джинсов. Рой смотрел, как она стоит – неподвижно, расслабленно – и смотрит прямо перед собой. Он заметил, что Пит сосредоточен исключительно на своей работе и даже не думает трогать Алису. Он даже костяшками пальцев к ее коже не прикасался. Бедро Алисы прикрывала только бахрома на краях обрезанных джинсов. Рой поймал себя на том, что неприлично пялится на девочку. Он опустил глаза, уставился на собственные штаны и взглядом принялся изучать их края, лежавшие симметричными складками поверх шнурков на ботинках с толстой подошвой.

Когда Пит закончил работу, Алиса вытащила ногу из второй синей трубы, подняла обе отрезанные штанины и перебросила через согнутую в локте руку, как полотенца.

– Вы готовы, Рой? – спросила она, без труда назвав его по имени.

– Конечно, – кивнул он.

Пит неловко поднялся и отряхнул пыль с коленей.

– Ну, тогда поехали, – сказал он.

Когда они вошли, Карл сидел за стойкой и пил кофе. Рой спросил, не видел ли он Арти, почти надеясь, что Карл скажет «нет». В баре было прохладно и темно, а Рою не очень хотелось бродить по городу и искать кого-то по такой жаре.

– Его мальчишки только что забегали за шипучкой, – сказал Карл. – Они мне сказали, что он за домом, кусачих черепах⁴ разделяет. Хотите чего-нибудь? – спросил Карл, глядя на Пита и Алису.

– У этих ребят машина сломалась милях в десяти от города. И я подумал: может, у Арти найдется топливный насос?

⁴ «Кусачими» называют каймановых черепах.

– Ну, может, и найдется, – кивнул Карл. – Если уж у кого и найдется, так это у Арти. – Он снова посмотрел на Пита и Алису. – Повезло вам, что вы тут сломались. В других местах вряд ли кто поможет.

– Ну... Как у вас насчет пива? – спросил Пит. – Алиса? Пива хочешь?

Девочка покачала головой.

– Тогда одну бутылку. Любого, какое у вас есть.

Карл вздернул брови. Рой понял: он гадает, сколько парню лет, – можно ли ему пиво продавать? Рой не знал, сколько лет Питу, да ему вообще-то было все равно. Он только про то подумал, давно ли в бар к Карлу в последний раз заглядывали приезжие.

– Я скоро вернусь, – сказал Рой и отправился к Арти.

В городке была всего одна улица, и он успел пройти ее до половины, когда его догнала Алиса.

– Эй, – сказала она, – Можно, я с вами пойду?

Рой кивнул.

– У этого Арти – у него магазин, что ли? – спросила она. – Или гараж?

– Да нет. Просто у него двор, где валяется куча автомобильных движков.

– А вдруг у него нет этой штуки? Бензонасоса.

– Тогда нам придется ехать в Ла Мур.

– А это далеко?

– Полчаса примерно. Ну, может, минут сорок пять.

Рой поймал себя на том, что старается шагать в ногу с Алисой, хотя для быстрой ходьбы было слишком жарко.

– Не стоило тому дядьке продавать Питу пиво.

– Карлу? Почему не стоило?

– Питу только семнадцать.

– Что тут скажешь. Это же его бар.

– Все равно, он не должен был продавать Питу пиво. Меньше всего мне нужно, чтобы Пит выпивал в четыре часа дня.

Они шли вперед, и Алиса смотрела по сторонам, хотя смотреть было особо не на что. Все магазины на улице были закрыты или заколочены, работали только бар Карла да почта. Даже банка в Вероне не осталось. Не осталось даже бакалейной лавки.

Когда они подошли к дому Арти и Рой увидел, что входная дверь лежит поперек крыльца рядом со сваленными как попало покрышками, он пожалел, что Алиса пошла с ним. Ему не хотелось, чтобы она подумала, что все в Вероне вот так хранят свою собственность. Из-за дома выбежал один из мальчишек Арти и, увидев во дворе Роя и Алису, остановился.

– Здравьете, мистер Меннинг, – сказал он.

Рой улыбнулся, но не смог вспомнить, как зовут мальчика. Их было трое, погодки, все с не слишком аккуратными «домашними» стрижками и крепкими круглыми животиками, какие бывают у детей, которые много едят и еще больше бегают.

– Твой папа дома? Черепак разделяет?

– Не, он их с утра разделал, – ответил мальчик. – Щас чинит цир-куляр-ную пилу.

Тут из-за дома вышел сам Арти, вытирая руки о джинсы, а мальчик тут же шмыгнул в дом – словно двор больше трех человек вместить не мог. Славные были мальчишки – все трое. Все так говорили. А отца боялись – так слышал Рой.

– Я вот подумал, может, у тебя найдется бензонасос для «Шеви» с движком три с половиной литра, – сказал Рой. – Тут кое-кто сломался за городом.

Арти с интересом смотрел на Алису.

– Чем могу помочь? – спросил он, будто Рой ничего не говорил.

Похоже, Алиса поняла смысл игры и еще раз сказала про бензонасос. Видимо, ее не смутили ни длинные волосы Арти, ни татуировки, покрывавшие его руки до локтя, словно дамские перчатки. Арти уехал из города подростком, а вернулся на похороны отца почти через десять лет – с мальчишками, длинными волосами и наколками. Рою он не нравился, но после того, как закрыли автозаправочную станцию, в городе только Арти остался кем-то наподобие механика.

– Запчасти для «Шеви» у меня только вот для этой колымаги. – Арти указал на маленький седан без колес, поставленный на четыре чурбака под навесом, куда, похоже, никто уже много лет не заглядывал.

– Точно? – спросил Рой, но Арти ему не ответил. Вместо того чтобы ответить Рою, он спросил, откуда Алиса родом.

– Из Монтаны.

– А где ты живешь в Монтане?

– Форт-Пек. Сразу после границы.

– Да знаю я, – кивнул Арти. – Недалеко от резервации.

– Да.

– Черт. Ты, случаем, не скво, а?

– Нет.

– Это хорошо. А то, если бы ты была скво, надо было бы мне беречь мой скальп, верно?

Арти улыбнулся, но улыбка получилась неестественная, какая-то болезненная, словно в край его губы впился рыболовный крючок и кто-то тянет его к себе.

– Если у вас нет такой запчасти, мы поедем в Ла Мур, – сказала Алиса, и Рой мысленно похвалил ее. Она так это сказала, будто это была ее идея и будто она хоть чуточку представляла, где находится Ла Мур.

– Ну, это не сегодня, – сказал Арти. – Там уже все закрыто будет, когда вы доберетесь.

Алиса посмотрела на Роя. Похоже, слова Арти ее расстроили. Он заметил, что Пит не слишком ровно обрезал ее джинсы. Справа из-под края шорт выглядела тускло-серая ткань кармана. Карман был чем-то набит – скорее всего, кучей монет. Рою не понравилось, что Арти сможет догадаться, что у Алисы в карманах. Ему вообще не нравилось, как Арти смотрит на Алису.

– Значит, поедем в Ла Мур завтра, – сказал Рой.

Но прежде чем Алиса успела ответить, Арти объявил:

– Ты жутко похожа на одну девчонку, мою знакомую из Бомона. Это в Техасе.

Алиса молча смотрела на Арти.

– Ты на флейте, случаем, не играешь? – спросил он.

– Нет, – сказала она. – Не играю.

– Я почему спрашиваю – потому что эта девчонка из Бомона играла на флейте. Я подумал: может, сестра твоя? А как твоя фамилия?

– Зиск.

– А пишется как?

– З-и-с-к.

– Зиск. – Арти присвистнул. – За такое словечко в «Скрэббле» можно было бы почти тыщу очков огрести.

– Ну да, только это не настоящее слово, – сказала Алиса.

– По мне, так очень даже настоящее, – сказал Арти, и Рой решил, что пора уходить. Он поблагодарил Арти, и когда они уже уходили со двора, тот спросил: – А вы у Карла сидите?

– Мы там долго не задержимся, – ответил Рой.

– Я сейчас помоюсь и заскочу туда.

– Я же сказал: мы скоро уйдем.

– Увидимся там, – сказал Арти, перешагнув через крышу и вошел в дом через дверь-ширму, толку от которой было не так уж много.

Услышав новости, Пит выругался и сказал Рою:

– Придется у вас заночевать.

– Черт, ну ты и грубиян, – покачала головой Алиса, а Пит отправился к другому концу стойки, чтобы прочитать список песен на панели музыкального автомата, который никто не включал с тех пор, как Карл купил приемник с УКВ.

– Правда, можете остаться у меня, – сказал Рой. – Места полно.

– Мы переночуем в машине. А он дурак. Грубиян и дурак.

Рой заказал сэндвич для Алисы, а себе пива. В баре было тихо, как в библиотеке.

– А чем вы занимаетесь? – спросила Алиса.

– Я? Зимой вожу снегоуборочную машину, а летом комбайн.

– Так вы не фермер?

– Уже нет.

Карл принес Рою пиво и отмахнулся, когда Рой протянул ему доллар. Но когда Карл отвернулся, Рой сложил вчетверо счет и подсунул под салфетницу.

– И вам нравится эта работа? – спросила Алиса.

– Конечно. Когда я убираю снег, я всегда нахожу людей, у которых сломалась машина. Алиса рассмеялась:

– Их вы тоже спасаете?

– Я вожу с собой стопку журналов.

– А журналы зачем?

– Я говорю людям, чтобы они сидели в машине и читали журналы, пока не приедет техпомощь. Вот и получается, что они чем-то заняты. А то бы они психовали, им захотелось бы прогуляться, вот тут-то они бы и погибли.

– От прогулки.

– В снегу.

– От скуки. Они помирают от скуки. Надо же... А если бы мы сегодня решили прошвырнуться, мы бы просто изжарились.

– Всегда лучше оставаться поблизости от своей машины, – сказал Рой, и Алиса кивнула.

– Вы женаты? – спросила она.

– Моя жена умерла от инфаркта. Этой зимой будет два года.

Алиса не сказала «мне очень жаль», как обычно говорят люди в таких случаях, поэтому Рою не пришлось, как водится, отвечать, что все нормально.

– А я собираюсь выучиться на медсестру, – сказала Алиса. – Может быть.

– Вот как?

– Ага. Я еду во Флориду, чтобы поступить в медсестринскую школу. Пит едет со мной, чтобы со мной там все было в порядке. Если мне понадобятся деньги, он устроится на работу.

– Это хорошо.

– Мама заставила его поехать.

– О!..

– А у вас дети есть?

– Одна дочка. Ей тридцать два.

– Она здесь живет?

– Она работает в Миннеаполисе. Она фотомоделль. Снимается для каталогов и газет.

– Красивая, наверно.

– Да.

– Мне бы тоже хотелось стать моделью, только у меня нос слишком большой.

- Я в этом не слишком хорошо разбираюсь.
- Наверно, она кучу денег зарабатывает.
- Да.
- А вас часто навещает?
- Не слишком, – ответил Рой. – С тех пор как ее мама умерла, она не так часто приезжает.
- Знаете, я вам скажу, какая работа жутко офигенная, – сказала Алиса. – Фотограф.
- Я в этом не разбираюсь.
- Я тоже. – Алиса обернулась, посмотрела на Пита, на музыкальный автомат, на высокую деревянную стойку с кассой. – А этот парень, Арти, – сказала она, – это просто что-то.
- Я его отца хорошо знал.
- Он неудачник, да?
- Не знаю, как сказать.
- Он чем-то похож на моего брата. самого старшего. Наколки и все такое. У меня все братья тупые, но этот, самый старший, он просто чокнутый. Вот послушайте. Когда он служил в армии в Германии, его подружка залетела. Его уже пять месяцев дома не было, а она вдруг залетела. И что же она сделала? Она отправила ему письмо и написала так: «Я по тебе так скучаю и хочу от тебя ребенка». А дальше написала: «Будь у меня от тебя ребенок, он бы напоминал мне о тебе и мне бы не было так одиноко». И с этих пор, Рой, понимаете, мой братец только того и хотел, что жениться на этой девчонке. А она послала ему порнушный журнал и пустую баночку от горчицы и написала ему – я прямо даже не знаю, как это сказать, – ну словом, чтобы он сделал *это* в баночку и послал ей, чтобы она с помощью этого забеременела. Понимаете?
- Да, – сказал Рой.
- Ну, а мой братец, дурак законченный, так и сделал. А потом ей поверил, когда она написала, что носит их ребенка. Нет, вы можете в такое поверить?
- Это твой самый старший брат? – спросил Рой.
- Да. Тупица. Все на свете знали про этот обман, некоторые даже говорили ему, что она его надула, а он ей все равно верил. Даже я ему говорила, что это ерунда полная, а он до сих пор верит. Так и думает, что это его ребенок. Будто из того, что он послал из Германии в Монтану, мог ребенок получиться – после того, как эта банка несчастная столько проболталась на почте.
- Рой не знал, что сказать, поэтому кивнул.
- Простите, – сказала Алиса. – Противно, да?
- Да нет, ничего.
- Вот и судите сами, какая у меня тупая семейка. Братья мои, по крайней мере.
- Да... История, конечно...
- Правда, так и было.
- В бар вошел Арти. Он стянул волосы в хвостик и надел бейсболку – зеленую, с какими-то буквами. Рубашка у него была с белыми кнопками, и, когда он проходил мимо окон, в лучах солнца эти кнопки выглядели как тусклые жемчужины.
- Похоже, у тебя гости, – сказал он Карлу, сев рядом с Алисой. – Гости из далекой страны Монтаны.
- Твои ребятишки сегодня забегали, – сказал Карл.
- Безобразничали?
- Сказали мне, что ты черепах прикупил, вот и все.
- Если они чего натворят, ты мне скажи.
- Ты меня лучше на супчик пригласи, – сказал Карл, а Арти спросил у Алисы:
- Любишь кусачек?

– Черепах? Никогда не пробовала.

– Может, я тебя приглашу. Попробуешь – вдруг понравится?

Алиса перевела взгляд на Роя и продолжила:

– А второй мой брат, помладше самого старшего, его Джадд зовут, и он тоже не гений, правду сказать. Умотал из дому, и три года мы про него ничего не слышали. Думали, вообще умер. А потом как-то вечером зазвонил телефон, и мама трубку сняла...

– Она тебе *уже* всю свою жизнь рассказывает? – спросил Арти у Роя, но Алиса продолжала свой рассказ:

– Сняла она трубку, а это Джадд звонит. «Привет, мам, – говорит, как будто только вчера ушел. – Привет, мам. Я в Нью-Джерси, на призывном пункте, и тут одна милая дама говорит, что у меня будет трехразовая жратва и новые шмотки, если я в армию завербуюсь. Мам, – говорит Джадд, – скажи, какой там у меня номер страхового полиса?»

– И какой же? – спросил Арти.

Алиса, не обращая на него никакого внимания, продолжала:

– Ну и Джадд завербовался. Моя мама говорит, что армия – самое место для таких тупиц, как мои братья. Если бы Пит не поехал со мной во Флориду, он бы небось тоже в армию угодил.

– А я был во Флориде, – сообщил Арти. – Работал там на рыболовецком корабле. Жил в розовом домике. Прямо у океана.

– Здорово, – кивнула Алиса.

Карл принес ей сэндвич. Она съела половину, а потом сказала:

– У меня зубы мудрости режутся. У вас такое было? – спросила она у Роя.

– Ага, – встрял Арти. – Больно чертовски, но без боли мудрости не бывает. – Он хохотнул. Коротко и хрипловато. Звук получился такой, словно двигатель включили на морозе. А потом он спросил у Алисы: – А почему ты так коротко стрижешься?

– Мне так нравится, – ответила она.

– Девушки должны длинные волосы носить.

– А парни – короткие, – буркнула она и указала на его конский хвост.

– А у тебя язычок с перцем, да?

– Я не знаю, что это значит.

– Умничать ты здорова, вот что это значит, – сказал Арти, и тут у стойки вдруг появился Пит – так быстро, что Рой понял, что парень небось все это время стоял позади них и слушал их разговор.

– Не разговаривай так с моей сестрой, – сказал Пит.

Арти снова расхохотался – и снова коротко, хрипло, с металлическим звуком.

– Надо же, Билли Кид⁵ выискался, – процедил он сквозь зубы. – Крутой парень.

– Пошел ты, – сказал Пит. – Я сказал: не разговаривай так с моей сестрой.

Рой услышал, как Алиса прошептала:

– Ой, мамочки...

Она соскользнула с высокого табурета и отошла в сторону. Почему-то догадалась, что сейчас будет. Рой среагировал не так быстро. И когда Пит размахнулся и ударил, Арти качнулся и задел Роя плечом. Пит стоял неподвижно, совершенно беззащитный, а Арти встал, мотнул головой и поправил бейсболку. С точностью опытного драчуна он нанес Питу удар в нос. Парень повалился назад и, падая, стукнулся затылком о барную стойку. Весь вечер в баре было так тихо, а тут вдруг такой жуткий треск. А потом опять стало тихо-тихо.

К удивлению Роя, Алиса сначала бросилась к нему. Перешагнула через лежащего на полу брата и прикоснулась к плечу, задетому Арти.

⁵ Билли Кид (наст. имя Уильям Генри Маккарти, 1859–1881) – известный американский гангстер.

– Вы в порядке? – спросила она.

Рой кивнул.

– Мне так жаль, – сказала она.

– Нечего было твоему братцу рот раскрывать, – сказал Арти.

– А вам нечего было со мной разговаривать, – проговорила Алиса негромко, даже не глядя на Арти. – Лучше оставьте меня в покое.

Тут Карл сказал – спокойно, без угрозы:

– Тебе стоит сейчас пойти домой, Арт.

Он произнес это таким тоном, каким год назад врач говорил Рою: «Вам следует срочно исключить из рациона соль». Точно таким же тоном, каким жена Роя говорила Эмме: «Тебе стоит утром надеть теплые пальто». Тихий такой, спокойный приказ.

И Арти ушел, словно ему велел уйти его собственный отец. Он, конечно, негромко выругался, но послушался Карла.

А Карл опустился на колени возле Пита и сказал:

– С ним все будет нормально. Просто шишку здоровую набил, и все.

– Мне вправду очень жаль, простите, – повторила Алиса и спросила: – Может, его можно куда-то отвезти, как вы думаете?

– Поедем ко мне, – сказал Рой, а когда встал, удивился тому, как сильно у него дрожат колени. Так сильно, что он вынужден был остановиться, удерживаясь за стойку, и только потом он смог идти. Они вдвоем подняли Пита, выволкли из бара, протащили по лестнице и почти на руках донесли его до машины.

– Уложите его на заднее сиденье, – посоветовал Рой, а Алиса сказала:

– У него же нос расквашен. Он там все кровью измажет.

– Ничего страшного.

Когда Пита засунули в машину, он вдруг открыл глаза, с трудом сосредоточил взгляд на лице Алисы и промямлил:

– Мне мама велела...

Алиса не дала ему договорить:

– Заткнись, Пит. Очень тебя прошу, закрой рот, ладно?

Рой подумал, что она сейчас расплачется, но она не заплакала.

– Да, Рой... – рассмеялся Карл. – Попал ты под раздачу. Небось не думал, не гадал, что все вот так обернется.

– Я просто не могу сказать, как мне жаль, что все вот так вышло, – снова начала извиняться Алиса, а Рой подвел ее к дверце и усадил на переднее сиденье, а сам сел за руль.

Они поехали. На запад, из Вероны. Солнце только что село – легко, бесцеремонно, без всяких там красот заката. Сумерки сгустились, а все еще было жарко. Алиса снова принялась просить прощения, а Рой сказал ей, что она не виновата.

– Все мои братья идиоты, все до одного. Мама говорит, что только я одна смогла додуматься, как выбраться из дерьма.

– Сколько же у тебя братьев? – спросил Рой. Ему самому этот вопрос показался глупым, учитывая обстоятельства, но она сразу ответила:

– Пятеро. – И добавила: – Стивен, Ленни, Джадд, Пит, Эдди.

– И ты.

– И я. Все в армии, кроме Пита и Эдди. Они еще маленькие. Эдди всего шесть. У моих братьев всегда все наперекосяк.

Потом они молча ехали через подсолнуховые поля. Рой подумал, не сказать ли Алисе о том, что подсолнухи с утра всегда поворачиваются на восток, а к вечеру – на запад. Подумал, может, ей это будет интересно или даже поможет, если она вдруг заблудится в Северной Дакоте. Но девочка, похоже, была не в настроении разговаривать, поэтому он промолчал.

Они проехали мимо белого пикапа, стоявшего у обочины, и только потом Алиса наконец заговорила.

– Мой младший братик, Эдди, чуть не умер в прошлом году, – сказала она. – Чуть не умер. Он был в доме у наших соседей, и там начался пожар. Все из дома выбежали, кроме него, а когда в ту комнату, где он остался, вбежал пожарный, Эдди спрятался под кровать. Увидел кислородную маску и решил, что за ним пришло чудовище.

– Да, просто страшно.

– Но все хорошо кончилось. Его нашли, и все такое, и все с ним было в порядке. Но когда мне рассказали, что случилось, я сразу подумала, какой же балбес уже мой младший братик. Да, ему всего шесть, я понимаю, но чтобы спрятаться от пожарного, когда кругом огонь... Но знаете, если бы он умер, я бы не считала, что он тупой. Я бы просто по нему горевала. Это ведь большая разница, наверное, – почти умереть или умереть по-настоящему.

Рой чуть не сказал: «В твоём возрасте я бы тоже так подумал», – но ему показалось, что это прозвучало бы слишком горько, и он промолчал.

Рой вел машину по знакомой дороге и думал о пустых, разрушенных домах тех людей, с которыми он вырос и которых теперь больше не было: они умерли по-настоящему или почти умерли. А это, думал Рой, почти одно и то же. Верона и сама почти что умерла, как и другие бесчисленные маленькие городки, знакомые Рою. Он думал о своей жене, которая дважды чуть не умерла, пока ее не доконал последний сердечный приступ. «Мне холодно», – сказала она, придя босиком, без пальто по январскому снегу в гараж, где Рой покрывал лаком обеденный стол. «Мне холодно», – проговорила она и умерла – не почти, а по-настоящему. И вот теперь у Роя ныло ушибленное плечо, а на заднем сиденье его машины без сознания лежал семнадцатилетний парнишка, а рядом с ним сидела девочка, которая была вдвое младше его дочери, и у него возникло такое чувство, словно он очень близок к смерти, что он почти умер.

Алиса, словно бы все это время она читала его мысли, потянулась к нему и прикоснулась к его руке. Это было прикосновение матери, любовницы и дочери одновременно, а к нему так давно никто не прикасался, что Рой вздохнул, обессиленно опустил голову и закрыл глаза. Алиса протянула руку к рулю, и Рой отдал ей руль. Он знал, что дорога прямая и безопасная, и понимал, что сейчас будет лучше, если машину поведет Алиса.

– Все нормально, – сказала она, опустила руку и включила фары. Было еще не так уж темно, но фары не помешают. Благодаря фарам их заметят из любой машины, едущей на восток. Их увидит всякий, кто посмотрит, как они пересекают безлюдные равнины Северной Дакоты.

Стрельба по птицам

Гэсхаус Джонсон заехал за Тэннером Роджерсом незадолго до полудня. Он постучал в дверь дома Роджерсов и стал ждать. Он топтался на крыльце и разглядывал столбики. Его пес Снайп тоже забрался на крыльцо. Снайп прихрамывал, как человек с пулей в пояснице. Дверь открыла мать Тэннера, Диана. Ее чудесные светлые волосы были гладко зачесаны назад.

– Диана, – сказал он.

– Гэсхаус.

– Хочу сегодня взять Тэннера с собой пострелять по голубям.

Диана вздернула брови. Гэсхаус ждал ответа, но она молчала.

– Думаю, ему это понравится, – сказал Гэсхаус. – Думаю, ему понравится стрельба по голубям.

– Он не поедет, – сказала Диана.

– А мне бы хотелось взять его с собой. Из-за его отца.

– Он никогда не ходил. И с отцом тоже не ходил.

– В чем дело, Диана? Это у вас правило такое или еще что?

– Может, и так.

– Ладно тебе, Диана.

– Я считаю, что это гадко. Правда. Думаю, ничего нет гаже, чем стрелять по голубям.

– А когда-то тебе нравилось.

– Никогда не нравилось. Сроду не нравилось.

– Бывало, ты сама ходила.

– Ходила, это верно. Но мне это никогда не нравилось.

– А Эд любил.

– Тэннер не поедет, – повторила Диана. – Ему это даже не интересно.

– Там соберутся ребята, которые любят Эда. Мальчику стоит познакомиться с людьми, которые любят его отца. Мальчику будет полезно познакомиться с такими людьми.

Диана молчала.

– Я сегодня вместо Эда буду стрелять, – сообщил Гэсхаус. – Это пока не найдут кого-нибудь еще, кто бы все время вместо него стрелял. То есть... пока он не поправится.

– Очень любезно с твоей стороны.

– Я хороший стрелок, Диана. Я был чертовски хорошим стрелком, когда мы еще пешком под стол ходили.

– Отлично.

– Ну конечно, я не Эд.

– И сколько же голубей ты сегодня собираешься подстрелить?

– Много. – Гэсхаус улыбнулся. – Я собираюсь подстрелить жутко много треклятых голубей. И я позабочусь, чтобы Тэннер тоже настрелял целую тонну голубей.

Диана устало кивнула.

– Черт, да я столько голубей настреляю, что тебе на шубу хватит, – заявил Гэсхаус, и Диана усмехнулась. Гэсхаус Джонсон улыбнулся шире. – Ну как, Диана? Отпусти сынка со мной, и мы привезем тебе чертовски красивую голубиную шубу.

Диана перевела взгляд на Снайпа. Пес пытался улечься на крыльце.

– Что стряслось с твоим псом?

– Состарился.

– Видок у него тот еще. Будто его машина переехала.

– Просто он постарел...

– Там не место собакам, – заявила Диана. – Собакам не место, и детям тоже. Собаку там могут подстрелить.

– Нет. Там стреляют по голубям. Сроду никто не попадал ни в собаку, ни в ребенка.

– Эд как-то раз пальнул в собаку за то, что та подбирала подстреленных птиц.

– Я про такое ничего не знаю.

Гэсхаус вытащил носовой платок и высморкался.

– Гэсхаус, – сказала Диана. – Зайти хочешь?

– Да нет, я не стану тебе докучать.

Снайп лежал рядом с выставленными на ступеньку крыльца ботинками и кусал свой хвост. Голова у него была большая и коричневая, как ботинок. Он покусывал хвост и смотрел на Диану пустым, равнодушным взглядом.

– Сколько ему? – спросила Диана.

– Одиннадцать.

– Столько же, сколько моему Тэннеру.

– Надеюсь, твой парнишка держится получше моей псины.

Диана снова улыбнулась. Они посмотрели друг на друга. Немного помолчав, она спросила:

– Ты Эда в больнице навещал?

– Утром сегодня.

– Это он тебе велел навеститься ко мне – посмотреть, как я тут? Да?

– Нет.

– Небось велел с Тэннером чем-нибудь заняться?

– Нет.

– А что он тебе сказал?

– Эд? Он сказал: «Думаешь, выкурить первую сигарету за день приятно? А вот ты погоди, попробуй выкурить первую сигарету, не покудив трое суток».

На этот раз Диана не улыбнулась.

– Мне он эту шуточку тоже говорил, – сказала она. – Вот только я не курю.

– Я тоже. Я табачок жую.

– Ну, – пожала плечами Диана, – а я выпиваю.

Гэсхаус опустил голову и посмотрел на свои руки. Он долго разглядывал ноготь большого пальца.

– У тебя к бороде что-то прилипло, – сказала Диана. – Крошка, что ли.

Он стряхнул крошку и заметил:

– От тоста, небось.

– А я подумала, это пух.

– А чем Тэннер сейчас занимается? Ладно тебе, Диана. Пойди спроси сына, не хочет ли он отправиться на настоящую стрельбу по голубям.

– Ты оптимист, Гэсхаус. Вот кто ты такой.

– Ну ладно, Диана. Чем он сейчас занимается?

– От тебя прячется.

– Ему понравится, – заверил Гэсхаус. – Если его не подстрелят...

– Может, он и не захочет ехать, – пожала плечами Диана. – Спроси его. Пойди спроси.

Чуть позже Тэннер Роджерс и Гэсхаус Джонсон ехали по городу в грузовичке Гэсхауса. Мальчик был в теплом зимнем пальто, красной охотничьей шапочке и высоких ботинках со шнурками. Он был стеснителен и не сразу задал Гэсхаусу вопрос, над которым, видимо, долго размышлял:

– А это не противозаконно? Стрелять по голубям?

– Не-а, – ответил Гэсхаус. – Стрелять по голубям не противозаконно. Вот *ставки делать* на тех, кто стреляет по голубям, – это противозаконно.

– А мой папа?

– Папа твой? Ну, он ставок не делает. Он просто стреляет по голубям. А все ставят на стрелков. Понимаешь? Все ставят на твоего папу, чтоб угадать, сколько голубей он сумеет подстрелить. Твоему папе ставок делать не надо.

– А вы?

– Ну, я-то ставлю как сукин сын. А ты как?

Тэннер пожал плечами.

– Сколько у тебя с собой денег, сынок?

Тэннер вытащил из кармана пригоршню мелких монет:

– Доллар восемнадцать.

– Все поставь, – сказал Гэсхаус и рассмеялся. – Удвой ставку! – Он весело хлопнул ладонью по рулю. – Ага, удвой! А лучше удвой! Ха-ха!

Снайп гавкнул, как подобает гончей собаке, – негромко, басовито: «вуф».

Гэсхаус повернул голову и неожиданно серьезно посмотрел на Тэннера:

– Ты что-то сказал, сынок?

– Нет, – ответил Тэннер. – Это ваша собака сказала.

Гэсхаус наклонился вперед и протер рукавом лобовое стекло.

– Сынок, – сказал он, – я пошутил. Это мой пес гавкнул, я это понял.

– Конечно, – кивнул Тэннер. – Я тоже.

– Славный ты парень. Вот мы с тобой немножко пошутили, да?

– Ага, – сказал Тэннер. – Здорово.

На окраине Гэсхаус остановился около бакалейного магазинчика Майлза Спивака, чтобы купить патронов. За прилавком стоял сам Майлз, усталый, немолодой. Он нашел патроны, которые были нужны Гэсхаусу.

– Майлз! – гаркнул Гэсхаус. – Я сегодня стреляю вместо Эда Роджерса. Ты бы хоть разок выбрался туда. Развеялся бы, Майлз! Посмотрел бы, как я классно стреляю.

Майлз медленно обвел взглядом магазин – так, словно ожидал, что за спиной у него кто-то появится.

– Черт бы тебя побрал, Гэсхаус. Знаешь же, что я тут совсем один, что не могу отлучиться.

– Но сегодня я стреляю, Майлз! Стоит того, чтобы закрыться пораньше. Я ведь когда-то был всем стрелкам стрелок.

Майлз задумался.

– Знаешь парнишку Эда? – Гэсхаус опустил тяжелую пятерню на макушку Тэннера.

– У меня у самого пятеро мальчишек. Последнему всего пара месяцев. Кесарево делали. Ты видал, как это делают? – спросил Майлз у Тэннера.

– Ради бога, Майлз, – вмешался Гэсхаус. – Он еще ребенок.

– Перевязали ей трубы. Так что детишек у нас больше не будет. А смотреть на это – врагу не пожелаю. Стоять рядом и смотреть, как твою жену вот так кромсают. А у баб внутри куча всякого понапихана. Такое, доложу тебе, тонкое оборудование. Видал хоть раз? Видал эти трубочки и мешочки?

– Господи, Майлз, – сказал Гэсхаус. – Ты бы удивился, если бы мальчик сказал «да».

– Жуть, – покачал головой Майлз. – Жуть сколько там всего.

– Пойдем отсюда, Тэннер, – сказал Гэсхаус. – Он чокнутый!

Когда они подошли к двери, Майлз крикнул им вслед:

– Она чудесная женщина – моя жена.

– Я тебе вот что про него скажу, – проговорил Гэсхаус, когда они с Тэннером вышли из магазина. – Он такой тупой, что даже двумя глазами сразу моргать не может.

Они сели в машину. Гэсхаус вытащил из кармана коробку с патронами и внимательно изучил этикетку.

– Черт, – выругался он. – Даже не знаю.

Он перевернул коробку и прочел все, что было написано с обратной стороны.

Тэннер немного подождал и спросил:

– А у вас ружье какое?

– Двенадцатый калибр, – ответил Гэсхаус и посмотрел на мальчика. – Ты в этом что-нибудь понимаешь?

– У моего папы была двустволка восемнадцатого калибра.

– Шестнадцатого, – поправил Тэннера Гэсхаус и сунул коробку с патронами в карман. – У Эда была двустволка шестнадцатого калибра. Много времени прошло, сынок. Я тебе прямо скажу, не таясь. Чертовски много времени прошло с тех пор, как я стрелял из ружья. – Гэсхаус вздохнул и снова хлопнул ладонью по рулю. – Эй! Да что это я? Это даже не мое ружье! Это ружье Дика Клэя! Ха!

Снайп снова негромко гавкнул.

– Это не я сказал, – проговорил Тэннер.

– Ха! – Гэсхаус весело стукнул себя по колену. – Ха! Ты понял эту шутку, сынок! Понял!

Гэсхаус завел мотор и выехал со стоянки возле магазина. Он сказал:

– Это славно, что ты любишь шутки, потому что мы с тобой едем туда, где можно будет от души повеселиться, это я тебе точно говорю. Если есть какие вопросы, ты спрашивай, не стесняйся.

– Почему вас так прозвали – Гэсхаус?⁶ – спросил Тэннер.

– А я пукать большой мастак, – не смущаясь, ответил Гэсхаус. – Как из пушки стреляю. Правда, теперь мне получше, чем раньше. Молочная диета уже не нужна.

– И папа мой вас так называет?

– Да.

– И мама?

– Тэннер, – сказал Гэсхаус, – это было что-то вроде сговора. Знаешь, что такое сговор?

– Нет.

– Ну... – поджал губы Тэннер. – Короче, они сговорились.

На следующем остановочном знаке Гэсхаус притормозил, опустил окошко и громко крикнул рыжеволосой женщине, шагавшей по тротуару:

⁶ Gashouse (англ.) – газовый завод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.